

Лазарев Ф.В., Аль Факи Мохамед Фадель Ахмед МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: КУДА ИДЕТ МИРОВАЯ ИСТОРИЯ?

1. История и детерминизм

Ход мировой истории в ее основной направленности, в ее важнейших поворотах и изгибах непредсказуем. Тем не менее, начиная с Августина Блаженного и кончая Марксом, человеческая мысль пыталась разработать такие модели развития человечества, которые позволили бы, так или иначе предсказывать течение социальной жизни людей. В самом деле, если социальные процессы имеют причинную обусловленность, а социум в целом подчиняется законам его функционирования и развития, то почему бы и не создать эффективные методы прогнозирования, включая и дальнюю перспективу человека на Земле?

Маркс и марксисты предприняли немало усилий, чтобы найти и сформулировать законы общественного развития и понять характер объективной необходимости в истории. В соответствии с этой философией, например, утверждалось, что Октябрьская революция в России была закономерным, исторически необходимым и неизбежным событием, изменившим весь ход мировой истории. Сегодня это событие чаще всего оценивается в других терминах и категориях. Однако при этом опять говорят об "исторической неизбежности", но уже по отношению к другим событиям минувшего века, например, в отношении "распада СССР". На самом деле ограниченность такой философии истории заключается не в ошибочной оценке тех или иных событий, а в самой методологии.

В отличие от классической механики, в истории нельзя найти жестко запрограммированных цепочек событий. Здесь не действует власть строгого детерминизма. Жизнь человеческая по самой своей природе носит вероятностный характер. По этой причине в истории не бывает "железной необходимости". Здесь случай, неожиданно возникший "подходящий момент", странности и наклонности отдельной исторической личности могут сыграть роковую роль. Все это, конечно, не отменяет того факта, что течение истории как вероятностный процесс предполагает некоторые устойчивые тенденции, некую на определенном отрезке времени направленность событийного ряда. Отсюда, естественно, вытекает, что, вообще говоря, можно и нужно пытаться прогнозировать те или иные процессы как в развитии отдельных стран, так и в глобальном масштабе. Здесь можно вспомнить знаменитые доклады Римского клуба 60-70 гг., дававшие глобальные прогнозы на ближайшие десятилетия. Как известно, Н.Н. Моисеев с группой сотрудников в 1983 году проверил гипотезу о вероятных последствиях широкомасштабной ядерной войны, ранее выдвинутую Карлом Саганом, и на математических моделях подтвердил предсказание о том, что если бы такая война произошла, на Земле возникла бы "ядерная ночь", а затем "ядерная зима". Во-первых, важно иметь в виду, что любые социальные и социотехнические прогнозы, подобно прогнозам погоды, могут носить лишь вероятностный характер, а во-вторых,

могут относиться лишь к отдельным, локальным процессам и тенденциям. Даже если речь идет о глобальном прогнозе (как это имело место у Моисеева), это может касаться, тем не менее, лишь отдельных, например, научно-технических, аспектов развития, а не социума в целом, во всех его измерениях.

2. Судьбы цивилизации: монизм и плюрализм

Вико, Гегель и Маркс утверждали в европейском историческом сознании мысль о том, что история есть единый, всемирный и однонаправленный процесс, что существуют общие для всех людей и народов законы социального развития. Поэтому каждая страна, каждый регион рано или поздно пройдут те же ступени исторического восхождения по спиралям прогресса и те же фазы, что и страны, вырвавшиеся вперед. Отсюда появляется теоретически оправданная возможность делить народы на "передовые" и "отсталые", а также убеждать "развивающиеся" страны встраиваться в цепочку "догоняющих". Сегодня окончательно стало ясно, что разрыв между "золотым миллиардом" и развивающимися странами с годами не уменьшается, а усиливается, так что эти страны обречены быть "вечно догоняющими".

В противоположность названной модели исторического развития, русский мыслитель XIX века Н. Я. Данилевский предложил принципиально новый подход. Он утверждал, что неверно искать смысл и узкую однонаправленность всей мировой истории хотя бы уже потому, что последняя никогда не была и не является сегодня единым и однонаправленным целым. Скорее наоборот: и в прошлом, и в настоящем мы наблюдаем существование локальных замкнутых в себе и на себя культурно-исторических целостностей, отдельных цивилизаций со своими духовно-нравственными ценностями и смыслами, со своим мировидением и исторической судьбой, со своим временем появления, расцвета и увядания.

Спустя 50 лет сходная концепция была разработана известным немецким философом О. Шпенглером. В Англии это направление мысли получает отражение в капитальных трудах А.Дж. Тойнби, в духе теории "локальных цивилизаций" пишет французский ученый Й. Пиренн, позднее русский социолог П. Сорокин активно включается в пропаганду идей Данилевского и вносит в развитие нового понимания истории свой собственный весомый вклад. Среди современных мыслителей данного направления следует назвать С. Хантингтона с его теорией "столкновения цивилизаций". Последний приходит к выводу, что в ближайшей перспективе в международных отношениях будут превалировать конфликты не идеологического или экономического порядка, но прежде всего вызываемые культурными различиями ментального характера. Национальные государства останутся наиболее влиятельными "актерами" на международной арене, в мировых делах, однако основные

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: КУДА ИДЕТ МИРОВАЯ ИСТОРИЯ?

конфликты будут происходить между народами и социальными группами разных цивилизаций. Именно столкновение цивилизаций будет доминировать в мировой политике.

Сказанное не означает, что названный круг идей целого ряда выдающихся мыслителей является сегодня общепринятым. Тем более это касается теоретических споров XIX столетия. О том, насколько тогда был велик груз общепринятой философии истории, говорит тот факт, что даже такой выдающийся русский философ, как В. Соловьев (равно как и социолог Н. Кареев), не мог преодолеть его в своей полемике с Данилевским. Соловьев отстаивает учение о человечестве как едином организме, обладающем общими нравственными целями и задачами. Через всю историю, через все национально-племенное деление людей проходит непрерывное, постепенно расширяющееся течение универсальных начал, объединяющих мысль и жизнь человечества. Н. Кареев, доказывая возможность и необходимость общесоциологической теории общества как целого, обращает внимание на наличие социологических закономерностей и сквозных тенденций в мировой истории.

Однако сегодня мы можем сказать, что в полемике с Данилевским и "социологические доводы" Кареева, и "очевидность" традиционной концепции истории как непрерывного однолинейного потока жизни, основанного на универсальных началах, бьют мимо цели. Разве существование видовой замкнутости в животном мире исключает наличие общебиологических закономерностей? Подобно этому многообразию культурно-исторических типов нисколько не отменяет существования "исторических инвариантов", сквозных социологических закономерностей-тенденций, тех или иных универсалий культуры, общечеловеческих ценностей. Относительная замкнутость цивилизационных пространств бытия людей не исключает возможности единых корней и оснований, их взаимовлияний, равно как и столкновений. Такое понимание естественным образом вытекает из интервальной методологии.

3. К вопросу о телеологии мировой культуры

Что касается единой направленности всего мирового целого как закономерности, прослеживаемой сквозь "возможные миры" отдельных локальных цивилизаций, то это особый вопрос, к обсуждению которого мы обратимся позднее. Ясно, что ни гегелевский, ни марксистский, ни постмодернистский ответы на этот вопрос сегодня никого не устраивают. В настоящее время можно говорить о трех основных версиях – европоцентристской, глобалистской и интервальной. Против первой выступил еще Данилевский. Она естественным образом сложилась еще в самом начале XIX века, составляя важнейший (хотя и неявный) элемент общей модели развития. Западная Европа выступала тогда (да во многом и по сей день) в качестве передового образца для всех остальных континентов: на нее "равнялись", ей подражали, у нее учились, ее боялись. Какова Европа сегодня, таковыми будут завтра другие страны и регионы.

Существовало убеждение, что Европа не просто "вырвалась вперед", она прокладывает магистральный путь всему человечеству. Европоцентризм при таком понимании если и присутствует в данной модели, то (как казалось) лишь как следствие исторического положения дела. Такова уж, как говорится, историческая миссия Европы: в силу того, что она вырвалась вперед, быть путеводной звездой для других народов. Другими словами, в модели неявно предполагалось, что дело-то не в самой Европе как таковой, а в той роли, которую она вынуждена взять на себя в силу сложившегося хода событий мировой истории. Очевидно, что европоцентризм логически вытекал из классической философии истории (Вико, Гегель, Маркс).

4. Лабиринты культурно-исторического монизма

Скрытые тупики европоцентристского мировоззрения достаточно детально проанализировал Данилевский в своей книге "Россия и Европа". В противовес монистической методологии гуманитарного знания XIX века он выдвигает идею плюрализма, примата специфического над общим. Истинная природа истории выражается в том, что те или иные народы, формируя в своем историческом существовании определенный культурно-исторический тип, один за другим появляются на всемирной сцене, развивая в возможно высшей степени особенности своего духовного склада, затем, исчерпав свой культурный потенциал, уступают место новой цивилизации. Ни одна локальная цивилизация сама по себе не может выразить всего богатства человеческого духа, она неизбежно ограничена в своих потенциях. Поэтому было бы несчастьем для человечества, если бы установилась гегемония какой-нибудь из них. Это в полной мере касается и "западноевропейского мира". Очевидно, что ни один культурный регион мира, каких бы грандиозных успехов он ни достиг, не может претендовать на то, чтобы быть обязательным культурно-историческим эталоном для всех других. В такой же мере было бы губительным для человечества возникновение некой единой, "общечеловеческой" цивилизации. Дух не может существовать как некий усредненный феномен, лишенный красок и оттенков специфического свойства.

Во времена Данилевского существовало убеждение (восходящее к Гегелю), что культура есть некий единый общечеловеческий феномен, поэтому в каждый данный исторический период культура есть только одна, непрерывно развивающаяся, причем все прежние формы ее существования являются лишь ступенями этого развития. Начиная с Нового времени, "хранилище" этой культуры – Европа. Следовательно, в настоящем и будущем эта культура должна охватить все народы. Для адекватного и полноценного ее "восприятия" тем или иным этносом – если потребуются – следует пожертвовать своими этническими ценностями во имя "общечеловеческого". Однако, вопреки Гегелю, господствующая в тот или иной период культурная целостность не имеет оснований рассматривать себя как абсолютную вершину,

высшую точку развития по сравнению с предшествующими, ибо каждая отдельная культура самобытна и самоценна. Каждый народ вносит свой уникальный вклад в сокровищницу мировой культуры.

Позднее (уже в XX веке), критикуя европоцентристские настроения в духовной стратегии Запада, Тойнби отмечал: "В наше время разворачивается впечатляющая и всеобъемлющая экспансия западного мира. Впервые за всю историю человечество столкнулось с ситуацией, когда одно общество распространило свое влияние практически на всю обитаемую поверхность Земли". Единственно возможный путь социокультурного развития – не линейный прогресс, а прогресс в глубинах "собственного поля действия", в пределах самобытности и самождественности каждого народа, с одновременным освоением культуры, выработанной всеми народами за всю историю их существования. Ведь даже в настоящее время, когда экспансия Запада и сопутствующая ей вестернизация мира зашли очень далеко, можно увидеть живых представителей каждой ступени развития.

5. Европоцентристский миф и его альтернативы

Европоцентристская модель служит философским основанием для поддержания господствующей на Западе политической мифологии. Важнейшей составной частью этой мифологии является лозунг "интеграции в Европу". Для прилегающих к Центральной Европе стран (таких, как Польша или Югославия) этот лозунг означает геополитическое вхождение этих государств в орбиту НАТО и Евросоюза. Для более отдаленных стран речь идет об идейном, идеологическом и экономическом сотрудничестве под эгидой "центра". Необходимость "присоединения" вытекает из "логики самой истории". Все народы, которые хотят иметь полноценное будущее и хотят идти по пути прогресса, должны встать на путь вестернизации. Так или примерно так внушают западные идеологи современному миру. Нам постоянно внушают мысль, что перед каждым государством, включая такие, как Россия, Украина, Ирак или Египет, существует дилемма: либо на всех парах устремиться вперед, т.е. догонять Европу, либо возврат к прошлому. В крайнем случае, возможен некоторый "компромисс" между двумя возможными стратегиями, связанный с уступками то одной, западной системе ценностей, то другой, национально-консервативной. Этот путь – историческое топтание на месте, трудный, мучительный поиск третьего пути, которого на самом деле нет, если не считать стратегию половинчатости, нерешительности, застойности. Второй, откровенный и третий, завуалированный путь, обусловлены наличием консервативных, "реакционных" кругов в обществе, а также тех, кто материально наживается от половинчатых реформ, от псевдодемократических преобразований. Общество в целом заинтересовано в европейском пути развития в каждой стране. Каждый, кто сомневается в западной системе ценностей, западной демократии и культуре,

открыто или скрытно рассматривается как мракобес, тянущий общество назад.

Действительно ли продвижение того или иного общества по пути прогресса и экономического процветания лежит через западные ценности? Через принятие "общечеловеческой модели" развития? Вопрос этот с вступлением человечества в XXI век исключительно обострился, ибо представляет собой реальную и злободневную проблему для многих стран мира.

6. Перспективы глобализации

Вторая версия развития мировой истории, которая сегодня "в ходу", – это идея глобализации. Если говорить совсем кратко, то суть ее заключается в следующих нескольких допущениях. Во-первых, мир стремительно втягивается в новый виток научно-технологической революции. Никакие границы, никакие "берлинские" или "китайские" стены не могут остановить глобализацию информационного пространства во всех континентах. Радио, телевидение и интернет сегодня не знают границ, информация становится общечеловеческой и общедоступной ценностью. В такой же мере идет проникновение техники и технологий во все регионы и страны. Всякая попытка тех или иных государств или правительств изолировать себя от этого процесса означает "выключение" себя из мирового исторического процесса, налицо все признаки глобализации мирохозяйственных связей и экономического партнерства. Во-вторых, с возникновением общемирового информационного пространства начинает складываться общечеловеческое "культурное пространство". Прежде всего, речь идет о небывалом по мощности культурном давлении и идеологической экспансии Америки и Западной Европы на другие страны, в особенности на Азию и Африку, на Россию и арабский мир. В-третьих, с каждым годом усиливается политическое наступление Запада на остальные регионы мира. С разрушением СССР возникла ситуация, когда в мире отсутствует паритет сил и нарушено геополитическое равновесие. В результате США открыто объявляют себя политическим лидером мира, и пытаются диктовать свою волю всем остальным государствам.

Какие отсюда следуют выводы? Прежде всего, Запад намерен произвести "смену вех": отбрасывается "принцип плюрализма" и многополярности мира и предлагается переход к "принципу монизма" (вдруг вспомнили, что "мир един") и к стратегии однополярности. Но если мир един, то спрашивается, какой цвет является для него естественным и единственно правильным? Подразумевается, что ответ должен быть таким: "западный". А если "западный", то это значит, что все страны и народы должны постепенно принять западный образ жизни и вытекающие из него, нормы и ценности.

Чем "глобализм" отличается от "европоцентризма"? По большому счету – ничем. Однако в деталях различия есть, и весьма существенные. Начать хотя бы с того, что во второй концепции доминирующая роль отводится не Западной Евро-

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: КУДА ИДЕТ МИРОВАЯ ИСТОРИЯ?

пе, а США. Кроме того, европоцентризм основывался на идее культурного и гуманитарного прогресса, знаменосцем которого выступала Европа, подавая пример всем остальным. Другие народы должны были "догнать" вырвавшуюся вперед Европу. Теперь же акцент делается на научно-технологическом превосходстве западного мира. Наконец, глобализм предполагает, не пассивный призыв "догнать" передовые страны, а активное внедрение "универсальных" технологий и ценностей в развивающиеся страны.

Что можно сказать, оценивая эту концепцию в целом? У нее есть свои фактическая, философско-методологическая и политическая составляющие. Фактическая сторона вопроса, говорящая о том, что современная мировая цивилизация быстрыми темпами глобализуется в научно-технологическом и экономическом отношениях, бесспорна. Отсюда делается вывод об ошибочности плюралистической модели мира и о необходимости принятия монистического мировоззрения. Вследствие такого шага мы должны будем признать универсальность культурных ценностей западного образца и рассматривать глобализм как новую истину современной истории с вытекающими отсюда политическими последствиями. На самом деле, во всех этих рассуждениях справедлива только первая посылка (о глобальном характере научно-технического прогресса). Что касается культурного аспекта, то эта посылка верна лишь наполовину, в отношении же третьей составляющей мы можем констатировать только одно: она не только ошибочна, но и представляет серьезную угрозу стабильности в мире. Другими словами, перед нами подмена смыслов, на основе ошибочного отождествления. Неверно отождествлять глобальность научно-технического прогресса с другими составляющими западного мира, ибо эти последние по природе своей локальны. Всякая попытка представить их как имеющих универсальную значимость и, вследствие этого, навязать всему миру является далеко идущей ошибкой: наличие инвариантов в одном отношении не исключает существования локальных характеристик в других отношениях.

7. Между монизмом и плюрализмом

Плюралистическая модель. Об этой модели уже подробно говорилось выше. Здесь следует только добавить, что слабым местом этой модели является то, что она абсолютизировала категорию многого, игнорируя возможность какого бы то ни было единства. В результате получилось, что как только глобализация в научно-технологической и экономической сферах стала фактом, эта модель пришла в противоречие с жизнью и была подвергнута отрицанию, но это было отрицание по принципу маятника, а не по принципу удержания всего ценного, что было в этой модели. Очевидно, что такой механистический подход не выдерживает никакой серьезной критики и с ним, конечно, никто не стал бы считаться, если бы ни одно обстоятельство: геополитические интересы Запада. Западу крайне выгодно представлять дело так, что его экспансия есть лишь объективный процесс глобализации, в котором другие страны должны

быть заинтересованы не меньше, чем сам Запад. Вот так и ведется на нашем веку: монизм – плюрализм, плюрализм – монизм... Попытку разорвать этот порочный круг предлагает интервальная методология.

8. Интервальная модель исторического процесса

На примере физики мы знаем, что все физические величины, которые участвуют в описании движения тел, делятся на два класса – на те, которые не зависят от системы отсчета (инварианты), и те, которые являются относительными, локальными, т.е. зависят от данной системы отсчета. Аналогичная ситуация имеет место и в других сферах. Локальный характер тех или иных отдельных цивилизаций не исключает того, что в их существовании проявляются и "общецивилизационные" реалии (технологические, экономические и частично культурные). Отсюда следует несколько выводов:

- остается в силе концепция о локальных цивилизациях;
- в любой локальной цивилизации существуют общечеловеческие механизмы, структуры, нормы и ценности;
- между цивилизациями существует связь и взаимодействие, диалог и др.;
- мир многообразен и един одновременно;
- в каждой цивилизации необходимо различать общее и специфическое;
- цивилизации развиваются, не устремляясь одна за другой, а каждая своей дорогой – но с учетом общечеловеческих тенденций и механизмов.

Интервальная модель развития локальных цивилизаций позволяет по-новому и более адекватно осмыслить важнейшую проблему современной мировой политики, которая стоит перед большинством стран мира: куда и как двигаться? До сих пор для всех государств, перед которыми стоит проблема исторического выбора, предлагалась альтернатива: либо на всех парах устремиться в европейскую цивилизацию, либо безнадежно отстать, придерживаясь своих традиционных ценностей. Многим людям, задумывающимся над этой ситуацией, интуитивно ясно, что здесь "что-то не так". Не может быть, рассуждают они, чтобы вековые духовные опоры нации, ее исторические приоритеты, выверенные сотнями лет мучительного развития, чтобы все это мгновенно устарело и подлежало бы разрушению и преодолению. Но, с другой стороны, а как же неутомимый прогресс, который с такой завидностью демонстрирует "сытый" Запад? Разве его опыт не свидетельствует о том, что именно ему удалось в ходе истории наиболее удачно нащупать самые эффективные пути прогрессивного развития? А если это так, то остается только одно: совершить радикальный поворот к западному образцу цивилизации. Это касается и азиатских стран, и Африки, и всего арабского мира. Не является здесь исключением и Россия. На Руси этот вопрос, так или иначе, обсуждается давно, начиная с Чаадаева и Киреевского, с западников и славянофилов. Одни предлагали "интегрироваться" в Европу, другие говорили о самобытности пути развития русской цивилизации, о

ее особых мессианских задачах в истории.

Славянофилы обращали внимание на то, что в Европе наряду с подлинными, бесспорными достижениями имеют место и негативные явления, неприемлемые для других цивилизаций. В этом контексте часто говорили о "мещанском" сознании, о потребительстве, бездуховности, отчуждении, ориентационном кризисе и т.п. Особенно глубоко с философской точки зрения внутренние болезни западной цивилизации с точки зрения гуманистических идеалов дали философы экзистенциального направления. За последние полстолетия прибавилось много других пороков западного мира: гримасы "массовой культуры", рост насилия, агрессивности, деструктивности, преступности, экологических и прочих катастроф. Сегодня мы можем прямо говорить о дорогой цене, которую заплатила западная цивилизация за научно-технический прогресс. Может быть, другим цивилизациям, которые встают сегодня на путь ускоренной научно-технологической революции, следует учесть негативные уроки Запада и не повторять его ошибки, избежать его подводных камней и ям, а, взяв все ценное и общечеловеческое, не копировать слепо западный образ жизни?

У других народов сегодня есть великолепная возможность учиться на негативных уроках истории, на сделанных ошибках и исторических просчетах, чтобы избежать тех опасностей, которые подстерегают каждого, кто пойдет, слепо следуя по стопам данной цивилизации. У Запада надо взять только то, что носит универсальный, общечеловеческий, инвариантный характер, и решительно отместить все, что вытекает из специфических западных условий и факторов. Поэтому лозунг "Вперед, в Европу" не только несостоятелен в философском отношении, но и опасен в культурном и политическом отношениях. Эта опасность двоякого плана: во-первых, это утрата своей собственной культурной идентичности; своих духовных потенций и, как следствие, духовная деградация; во-вторых – это опасность вновь повторить все перипетии эволюции западного мира с его взлетами и падениями, с его трагическими разломами, войнами и кризисами.

Между тем, есть другой путь, связанный с преимуществом более позднего вступления в научно-технологическую гонку: ни в чем не отступая от своих собственных культурных ценностей, идти вперед своей дорогой, учась всему ценному у других цивилизаций, но не повторяя при этом их ошибок.

Надо понять одну простую истину: в западном пути развития есть как общечеловеческие элементы, так и специфические для данной цивилизации. Это специфическое не следует выдавать за глобальный образец. В этом специфическом есть живой полноценный социокультурный элемент, что составляет подлинную заслугу и достижение Запада. Его нельзя перенять другим культурам в силу самой природы вещей. Это то, чем одна культура отличается от другой и что составляет ее ценность и уникальность. Но в специфическом

есть и негативный элемент, который легко, как вирус передается и подхватывается другими, но делать это абсурдно и недальновидно.

В свое время большевики, придя к власти в России, развили любопытное продолжение спора западников и славянофилов. Будучи марксистами, они, разумеется, стояли на позициях "монистического взгляда на историю" не только в смысле материалистического мировоззрения, но и в смысле признания единого плана мировой истории. Отсюда, казалось бы, вытекало, что Россия должна идти по стопам Европы как наиболее передового региона. Но тут-то русские коммунисты совершили своеобразный кунштюк: они стали утверждать, что октябрьская революция одним махом перевела стрелки часов российской истории на целую эпоху вперед. В результате не Россия должна догонять Европу, а, напротив, эта последняя должна следовать, с точки зрения своего социально-политического развития, за советской Россией, как за более передовой страной. Вот так и получилась странная метаморфоза. Марксисты, с одной стороны, не отступили от "монизма" западников, а с другой – угодили славянофилам, объявив Россию более передовой страной, чем Запад, и плюс к тому же уникальной, ибо именно ей выпала честь проложить дорогу всему человечеству к коммунизму. Для логического обоснования такого кунштюка Ленин выдвинул идею "слабого звена": Россия в момент революции представляла собой самое слабое звено в цепи мирового империализма. Спровоцированный определенными кругами развал СССР, рассуждая чисто теоретически, мог быть основанием для отказа от марксистской концепции истории или, по крайней мере, от ленинской версии "слабого звена" и перевода стрелок часов мировой истории. Сторонники современной концепции глобализма, конечно, не хотят отказываться от монизма. Они трактуют поражение советского социализма не как доказательство несостоятельности всей классической модели истории, а лишь ее ленинского фрагмента. Социализм рассматривается как тоталитаристское отступление от магистральной линии прогресса, понимаемого в духе европоцентризма.

9. Процесс глобализации и арабомусульманский мир: парадигмальное противостояние

Вопрос, куда идти, со всей остротой стоит сегодня перед арабскими странами. Интегрироваться в Европу? Сохранять традиционный уклад жизни? Исповедовать мусульманский фундаментализм? В этом мучительном выборе главное не попасть в искусственно созданный тупик. Согласно традиционному, идущему с Запада взгляду, которому арабский мир стоит перед альтернативой: либо идти вперед, в цивилизованное будущее по пути Европы, либо без конца топтаться на месте, слепо сохраняя свои национальные ценности и традиции. Истина, однако, состоит в том, что такой дилеммы в принципе не существует. Можно и нужно идти вперед, идти в ногу с научно-техническим прогрессом, но это вовсе не значит слепо прини-

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: КУДА ИДЕТ МИРОВАЯ ИСТОРИЯ?

мать специфические европейские нормы, ценности культуры и политического устройства. В развитии каждой локальной цивилизации присутствуют все составляющие собственного развития. Ее полноценное историческое бытие предполагает сохранение своей уникальной культуры, своего менталитета. А для этого такая цивилизация должна активно оберегать себя от глобальной экспансии чужих культур (в особенности так называемой массовой культуры).

Известно, что каждая культура, приобретающая мировое значение, обладает высокой степенью индивидуальности. Это мы по праву можем отнести к арабо-мусульманской культуре. Возникнув более чем через тысячу лет после иудаизма и более чем через 500 лет после возникновения христианства, в среде малочисленных племен аравийского полуострова, ислам в качестве основы культурного развития стал одной из ведущих культурных парадигм современности. Его влияние не только не убывает, но лишь возрастает. Достаточно сказать, что число мусульман к концу XX века достигло 1 миллиарда человек. Мусульмане сегодня – это не только арабы, это представители многочисленных национальностей, говорящих на самых различных языках. Именно поэтому нужно говорить о культуре, экономике, политике арабо-мусульманского мира как о важнейшем факторе не только современности, но и будущего мирового развития.

10. Восток-Запад: интервальное видение отношений

Для того, чтобы понять Восток, а в данном случае – исламский мир, Запад должен изменить, прежде всего, свою эпистемологическую стратегию. Ближе всего к наиболее адекватному постижению существующей многополюсной культурно-исторической ситуации, которую мы называем современностью, находится методология интервального подхода. Ведь такие политические (и культурологические) категории, как "фундаментализм", "исламизм", "арабский терроризм" являются лишь однобоким проявлением многомерного феномена арабо-мусульманской культуры. А ведь это не черно-белый мир с однотипными свойствами и отношениями. Более того, культура и общество – это динамические системы, находящиеся в постоянном изменении и развитии. Именно эти обстоятельства могут быть эффективно "прочтены" с помощью интервальной методологии. В зависимости от того или иного контекста, "одни свойства объектов актуализируются, выходят на первый план, другие, напротив, сохраняют лишь потенциальную возможность своего бытия. Ситуации, в которых указанное разграничение является достаточно четко, были названы интервальными. Последние представляют собой качественные целостности природной или социокультурной реальности. Мир, таким образом, обнаруживает ячеистую, интервальную структуру, распадаясь на иерархизированное множество отдельных реалей, актуальных и возможных миров" [1, с.25].

Современная эпоха противоречива, и это заключается, прежде всего, в диаметральной проти-

воположности основных тенденций общественно-политического и культурного развития. С одной стороны, это "атомизация", автономизация индивидов, их стремление к уникальности, самодостаточность (это же можно сказать об отдельных государствах). С другой стороны – интернациональный характер экономики, транспорта и связи, взаимозависимость людей и государств. Любое усиление той или иной тенденции влечет за собой угрозу дестабилизации локальной и даже международной обстановки, если какой-либо из субъектов этих многоуровневых отношений окажется ущемленным (или ему покажется, что он ущемлен) экономически, политически, в культурной или религиозной сфере.

Вопреки тенденциям к децентрализации [2, с.115], гомогенизации и примитивизации глобального культурного пространства под натиском массовой культуры, арабо-мусульманский мир доказывает, что уникальное своеобразие, основанное на консервативной религиозной традиции, является важным фактором сохранения этнической и культурной идентичности и противостояния разрушительным действиям со стороны ценностного релятивизма. Именно исламская культурная парадигма сегодня в наибольшей степени готова к тому, что можно было бы назвать "глобальной переориентацией всей системы ценностей" [1, с.11]. Эта ситуация характеризуется отказом как от неконструктивного догматизма, так и от радикального релятивизма всех ценностей. Для этого необходимо перейти от "одномерного" восприятия мира "к видению его с разных интеллектуальных позиций в разных аспектах" [1, с.10].

Интервальная методология позволяет сделать очевидным тот факт, что арабо-мусульманская культура в состоянии реально консолидировать самые разные культуры Востока и Запада, Средиземноморья и Тихого океана, объединив представителей самых разных расово-этнических, языковых и культурных регионов. Любопытно, что несмотря на единство и прочность основополагающих морально-этнических принципов, мусульмане всего мира представляют собой многообразную, многоцветную глобальную общину (умму). Принцип цивилизационного единства в культурном многообразии – позитивный факт существования и дальнейшего развития арабо-мусульманского мира.

11. Традиционная культура ислама и вызовы современности

Наиболее позитивным и перспективным фактором эффективного функционирования исламской культуры является конструктивное взаимодействие традиционных ценностей и современного научно-технического прогресса. Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты доказывают, что религия и сверхсовременная технология не являются противоположными полюсами цивилизации, а скорее необходимыми, дополняющими друг друга, принципами устройства общества будущего. В то время, когда научно-технический прогресс и техно-революция (кибернетика, клонирование) могут стать опасными для

существования всего человечества, и в промышленных странах Запада уже исчерпаны надежные механизмы сдерживания угрожающих обществу технологий, в традиционных культурных парадигмах, в частности, в рамках арабо-мусульманской культуры есть достаточно надежные рычаги регулирования механизмами, влияющими на мораль и социальные отношения в эпоху глобальных изменений. Именно консервативная культурная традиция берет на себя ответственность за выбор пути развития. Она является гарантом культурной, а следовательно, и социальной стабильности и развития.

Изучив демографические тенденции развития исламского мира, мы увидим, что плодотворное решение проблем мирового уровня без учета мнения исламского мира будет просто невозможным. "Мусульмане составляют большинство населения в 48 странах, а в более чем 80 – являются значительной частью населения. Ареал распространения ислама охватывает Африку, Ближний и Средний Восток, Центральную, Южную, Юго-Восточную Азию и Кавказ, некоторые страны Европы, интенсивно проникает в США и даже в Австралию и Океанию. По прогнозам специалистов, к 2000 году мусульмане будут составлять 23% населения земли, а еще через 25 лет – 35-40%" [3, с.64]. Поэтому культуру арабо-мусульманского мира можно по праву считать глобальным фактором настоящего и будущего мировой цивилизации.

В том случае, если сегодня не уделить должного внимания исследованию истоков, характера, структуры исламской культуры, то это по существу будет означать отказ от объективного познания многомерного и многоуровневого цивилизационного процесса.

Если внимательно присмотреться к основным актуальным военно-политическим конфликтам конца XX века, то становится очевидным, что в этих событиях действует "исламский фактор" (Балканы, Кавказ, Ирак). С точки зрения культурологии, за этим стоит конфликт цивилизаций и культур, религий и традиций, хотя на первый поверхностный взгляд здесь может показаться, что это политические, экономические интересы сталкиваются друг с другом. И западные страны в этих конфликтных ситуациях часто не видят, что за маской "терроризма" скрываются радикальные принципы мусульманского гуманизма, имеющего прочную историческую основу.

В рамках арабо-мусульманской культуры исторически сложился довольно-таки ясный идеальный тип. Как отмечает З.И. Левин, это "инициативная, творческая, гармонически развитая и высокоморальная личность, стремящаяся овладеть богатствами мировой культуры без рабского подражания" [4, с.25]. При этом предпочтение в жизненных и политических ориентирах основано на общеисламских ценностях, которые в свою оче-

редь, обогащаются духовным влиянием всех народов, принявших ислам в разные времена и в разных частях света. К сожалению, в западных средствах СМИ и на TV формируется только негативный, политизированный образ "врага", "террориста – исламиста", затмевающий объективные, часто противоречивые фигуры реальных людей. Конечно, терроризм является неприемлемой формой решения экономических и политических конфликтов. Однако существует ведь не только исламский фундаментализм как основа радикальных военно-политических формирований, но весьма широко распространен и влиятелен исламский реформизм – гуманистическое, конструктивное направление арабо-мусульманского мира.

Одна из своеобразных черт современной арабо-мусульманской культуры заключается в том, что эта культура опирается на древнюю религиозно-культурную традицию и при этом заимствует новейшие научные теории, технологии, развивает их с учетом конкретной социальной ситуации, с тем, чтобы эти инновации не разрушали социально-политическую структуру общества, а служили людям, повышали их жизненный уровень и облегчали условия существования как в экономическом, так и экологическом отношении.

С целью более эффективной интеграции культур, ислам способствует развитию региональных, этнических, культурных общностей в рамках единой общекультурной парадигмы, выработанной первоначальной арабо-мусульманской (аравийской) ее формой. Сохранение и целесообразная трансформация собственной системы ценностей перед лицом вестернизации, активно проводящейся западными странами, сопряжена с трудно предсказуемым характером глобального конфликта на всех уровнях: политическом, экономическом, культурном [5]. Чтобы избежать глобального конфликта и его разрушительных последствий, необходимо глубоко и объективно исследовать корни, фундаментальные принципы, тенденции арабо-мусульманской цивилизации как своеобразной части и неотъемлемой составляющей мировой цивилизации.

Литература

1. Лазарев Ф.В., Тарасов В.И. Разум в новом столетии: глобальная переориентация. - Симферополь: Сонат, 2000. - С. 25.
2. Гаджиев К.С. Геополитика. - М.: Международные отношения, 1997. - С. 115
3. Абдураимов В. На стыке континентов и цивилизаций // Остров Крым. - № 1, 1999. - С. 64.
4. Левин З.И. Развитие арабской общественной мысли. - М.: Наука, 1984. - С. 205.
5. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. - М.: Алгоритм, 2000.